

Капля

Владислав Март

18+

Владислав Март

Капля

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70331917
SelfPub; 2024*

Аннотация

Рассказ об альтернативном способе изменить общество. О том, как череда ошибок вывела к верному пути. О том, как герой открыл этот способ, изучил и принял миссию. Следите за мелочами, даже за своими каплями. Они важны. Океан состоит из капель.

Владислав Март

Капля

В тот день люди в интернете выдумали новое явление природы – чёрную метель. Из всех скоплений снобов и рукоблудов рассортированных у меня в телефоне по алфавиту сквозило это новое словосочетание. Чёрная метель обрушилась на Москву. Чёрная метель повалила дерево на остановку с людьми. Чёрная метель, чёрная метель... Я подошёл к окну, транслирующему вечер полный неба, что в свою очередь было полно хлопьями снега. Такого жирного и белого, что иной ассоциации кроме битвы подушками в ангельской казарме у меня не появлялось. Ветер гонял выпавшие перья райских птиц-блондинок над фонарями и окуклившимися машинами, однако, всё, что только видел взгляд за стеклом было удивительно белым и нежным. Чёрная метель должно быть проросла в головах людей из интернета и заполнила их хрусталики сажей. Я же наслаждался белизной объёмных кусочков снега, мягко порхающего и стремящегося принести наименьшее неудовлетворение подоконнику, карнизу и балкону. Я даже приоткрыл окно впуская некоторых представителей ангельских перьев в кухню. Снег был мягкий и тёплый. Это не удивило, красиво должно быть мягким и тёплым, лишь поднявшаяся из впадины памяти цитата «Наутилус Помпилиус» отослала к какой-то невесёлой комбинации

слов. Падал тёплый снег... Он завёл мотор... Все оказались на холодном столе морга... Подростковое время, потраченное на придумывание декаданса, вечно мешает целиком насладиться моментом. Моим взрослым, отрощенным и кальцифицировавшимся моментом. Не ту музыку мы слушали в молодости, ох, не ту. Такое умное и грустное следовало слушать позже. Но мы называли это попсой и готовы были жевать магнитофонную ленту, лишь бы потреблять только правильный русский рок.

Окно закрылось будто само по себе, гости-снеги, вошедшие с неба, растворились в жаре кухни. Стекло стало непрозрачным и не столько пропускало внутрь отсутствие всякой чёрной метели, как больше переводило на свой экран моё отражение с кружкой в правой руке. Отражение я и видел, в нём знакомый мне мужчина держал кружку в левой руке. Оно, отражённое живое видео, перенеслось к ветру и хлопьям, к голым веткам тополя, к шапке вчерашнего снега на незнакомой китайской легковушке. Я мог бы выключить свет в кухне и вернуть шоу подушечных перьев, но я замер, проворачивая карандашом в голове всё ту же кассету «Наутилуса». С грубой правдой о жизни, которой не понимали ни тогда и никогда. Кассета закончилась. Содержимое кружки остыло. А по мнению головы в интернете всё ещё летала Маргаритой над столицей чёрная метель. Где же она? Может быть завтра. Может оказаться завтра всё почернеет. Дошло до выключения интернета с его головами. Наступила кален-

дарная ночь. Я приехал на старую московскую квартиру чтобы немного поработать с книгами и подождать пятницы с театральная премьерой. А вместо того, память хороводом хлопьев закружила меня. Что было до этого всего? До квартиры, до метели, до этого уюта за тёплым стеклом? Как вышло, что я один и согреваю сам себе напиток и тем доволен? До сегодняшнего для меня вела дорога молодости, полная отчаянности и переоценки. И всего только трижды встретила я на ней препятствие, а лучше сказать перекрёсток. Проходя их в определённом направлении я и написал историю своей жизни до сегодняшней метели. Оплошности ли то были или прозрения? Назад пути нет, я изменил ими себя и немного окружающий мир.

Первая оплошность молодости, как не вспомнить, усваивая тёплый напиток. Кто ещё вспомнит? Она? С ней дороги разошлись. Судьба уберегла её от меня. После неё никто так близко не подбирался к моему сердцу. С ней была ящерица, ящерица маори. Вся состоящая из полуспиралей и завитков, серпов и полуокружностей с редкими вписанными между ними долгими треугольниками. Плоская и почти чёрная, ящерица не была видна ей самой, но показывалась на четверть окружающим. Собственно, она могла и не знать, что ящерица при ней или что она с ней. Хотя глупо такое предполагать, подозревать что ящерица поселилась без приглашения. Конечно же ящерица была с ней специально. Замерла за спускающимися к плечам волосами над левой трапеци-

евидной мышцей, голову свою положила ближе к передней поверхности шеи, а задние лапы и хвост зацепились позади и уходили к остистым отросткам грудных позвонков. Во время редких поворотов головы она предьявляла миру ящерицу и та, сканировала окружение, предполагала нужна ли хозяйке защита. Ведь это ящерица маори. Символ воина, проворства, храбрости. Не обманись тонкостью шеи, цепкость и сила защитника рядом.

Официант спрятал свои предплечья за спину, сложил руки в какой-то обученной позе, так что ни я, ни она, не успели рассмотреть. Мухомор ли это был? Мухомор, как и любой гриб с выраженной шляпкой – такая проза. Если только это не часть композиции к Алисе, гусенице или чему-то оригинальному. Я откинулся к спинке стула и посмотрел за спину официанту. Это не мухомор. Это такой же плоский чёрный рисунок в стиле маори. Это скат. Широкое треугольное тело и вьющийся хвост, из подобных запятым элементов, их я принял за шляпку и ножку гриба. Скат – мощный оберег. Защитник. Удивление рыбака. Какое воинственное тем не менее окружение складывается подле меня. Маори-ящерица и маори-скат. Тренды этого года? В подворотне открыл тату-салон иммигрант из Новой Зеландии? Встреченное повлияло на выбор блюд. Из меню на стол попали пицца с морепродуктами и салат океанического содержания. Ящерица одобрительно посмотрела и спряталась за причёской. Зачем всем этим людям защитные обереги?

Чай принёс другой помощник. Два дельфина доставили девушку с веснушками. Расставили каждый, используя подвластные им правую и левую руки, чашки и зажгли свечу в подставке под стеклянным чайником. Два дельфина, левый обращённый головой вверх, правый вниз, конечно же состояли из раздробленных чёрных элементов узора маори. Третий человек то ли защищался, то ли показывал возможную агрессию, пассивную агрессию, покрывая себя древними сюжетами в моём присутствии. Маленькое пламя свечи казалось не справится с литровым сосудом, но спросить подкинуть огня было уже некого. Дельфины-обереги унесли свою хозяйку в сторону кухни. Я был в стране маори, на их торжественном ужине. Но после еды, после всех этих знаков, этого ведущего за руку знака, пути к правильному решению, я свернул. Ушёл в другой подвал, к другому мастеру. Ведь по всему, по логике и бытию, по осадку на дне бутылки рислинга, по положению, мать их, звёзд, по кулакам и по паспорту, должен был я сделать тату акулы маори. Приумножить маори в мире. Защитить свой покров и в то же время показать окружающим имя. Демонстрировать то, что я есть и как с этим обращаться. Акула маори. Плоские зубы-треугольники, квадратики чешуи, серп хвоста. Тоже оберег, тоже признание факта, что я боюсь мира и не в силах его менять, а лишь могу защищаться. А я, а я вошёл не в тот подвал и умышленно, обманывая мироздание заказал наколку с другим смыслом. Тоже плоскую и чёрную, но иную до самой

сути. И не знали с тех пор приносящие мне чай или неприятности, что нет на мне защиты. А только глупо улыбались, глядя на отпечаток лапы хаски. Пусть с когтями, чёрный, но хаски. Это же так мило. Хаски ничей, не знает хозяина если снять ошейник. Хаски не охраняет и не защищает, хаски – друг. Хаски – это электричество добра. Давайте обнимемся, мой дорогой, дайте я почешу вам загривок, подберу вываливающийся язык. Я обманул их всех, не показал акулу ни тогда, ни позже. Нет у меня оберега. Нет. Вся молодость пошла не по тому пути. Сколько их могло бы увидеть акулу и отойти, отвернуться. Но отпечаток хаски наоборот звал и просил. Поставь свою ладонь рядом, сравни, спроси где остальные следы. Морозоустойчивость бонусом, лёгкий рост щетины к зиме, выносливость и бег. И никакой тебе храбрости маори и защиты от злых сил. Беззащитный, я прожил свою молодость иначе чем мог, после этого ошибочного решения с выбором татуировки, и злые силы не видя преград, щита чешуи на мне, приняли меня за беззащитного. Пройдя насквозь, они зацепились только совсем чуточку за коготь хаски.

Вторая ошибка молодости. Ох, как всё могло пойти по-иному. Другим путём. Это был любимый морозный день, из тех дней, когда уже привык к зиме и она не опротивела, а наоборот. В радость пушистый несслежавшийся снег, редкие раскатанные ногами ледяные отрезки-пунктиры, толстые от снега ветки, птицы и коты. Одежда греет, щёки пыхают, нос колется изнутри и вся эта благодать тебе одному,

тебе приносит удовлетворение, тебе легко зимой. Потому ты молод и гибок, и потому что на тебе лапа хаски, равновесие несёшь с достоинством, а грязь и бычки тебе так ненавистные скрыты пудрой зимы. Чисто-ловко всё. Чисто-красиво. Вот и несёшься такой, словно человек-санки, будто героиней на помощь Снежной королеве или кому там положено помогать в мороз. Не холодно тебе, не ждёшь весну, не бормочешь тухлое под нос, потому что день такой настоящий свежий. Потому что ты свеж и юн как утренний иней. В такой день и произошла со мной нечаянная, хотя, как сказать, в общем ненамеренная ошибка жизни. Я нетерпеливо по-собачьи начал переходить дорогу на полсекунды раньше, чем зажигается зелёный пешеходный сигнал. На четверть секунды. Промеж мигающим красным и той темнотой до зелёного. Этот промежуток способен уловить лишь молодой взгляд молодого спешащего человека, бегущего по льду по делам, что сейчас смешно вспоминать. Дела... Я сделал тот шаг или десять шагов и попал под машину, что не успела полностью затормозить на её немолодой несвежей неудалой дороге среди ужасного снега и кошмарного льда. Кошмарного, конечно, только для неё. Старая машина и юный человек очень по-разному считывали тот миг между красным и зелёным. И я упал на дорогу среди остановившихся людей и машин, почувствовал боль как-то сразу везде.

На самом деле всё было куда как киношной. На самом деле я успел заметить эту древнюю машину, что-то вро-

де «пятёрки» или «семёрки», которые я всегда путал, эдакая классика от «Жигулей» с квадратными глазами-фарами. Она тормозила, но тот метр или два, их хватило чтобы я посмотрел на несущийся кусок металла и понял, что я ничего не успею. Ни вперёд, ни назад. Ни единого шага не успею. Я успею только вверх. И моё упругое, эластичное тело подкинуло ноги избегая бамперного перелома как можно выше, а тушка в новой дублёрке упала на лобовое стекло. Вместе с тушкой, ногами и головой мы перекатились через полмашины и упали на снег, такой же твёрдый как асфальт под ним. Дублёрка, снег, юность, всё смогло амортизировать падение. Я встал и пошёл по своим делам дальше. Удивительно. Сейчас бы я разлёгся при этих обстоятельствах и ждал скорую, полицию, суд, страховку, и потом ещё десять лет бы рассказывал, как удачно нагрелся на дураке-водителе. Пара синяков, но под мигающим красным, это уже не просто пара синяков. Это дело. Это серьёзные проблемы. И то будут не мои проблемы. Однако в тот светлый и летучий день, когда ноги слушались меня как какого-нибудь мастера кун-фу, а голова была пуста, как у Ромео, я встал и пошёл дальше. Тату хаски тащила меня через сугробы. Ни помощи, ни полиции, ни выплат. Я только отряхнулся. Водитель, которого я мельком лишь заметил, остался в окружении возмущённых пешеходов, что топтались пингвиньей колонной вслед за мной. Я покинул место действия и побежал на другой спектакль моей жизни. Боль во всём теле ещё до конца широкой дороги

осталась только в бедре и под рёбрами с правой стороны. К вечеру её и след замело. На дублёрке малая потёртость позднее растворилась в череде более крупных дефектов. От собаки, от ледянки, от времени...

Та поспешность, ошибка с выбором цвета, излишняя скорость, вспомнились мне только через полгода. В теплоте позднего лета, на модной футболке, подчёркивающей мои завидные плечи и являвшей миру край лапы хаски из-под рукава, проступило пятнышко. Небольшое совсем, но так обидно испортившее любимую вещь. Чья-то капля крови или масла, колы или скорее чего-то биологического, незнакомого. По середине, спереди, никак не спрятать ни ремнём, ни... Это была моя капля. Она вышла из моего пупка и походила на смесь соплей и крови. Не пахла, не текла, была густой как замазка, как старое повидло или забытое сгущённое молоко. Я долго возился в ванной с зеркальцем и палочками для чистки ушей чтобы понять, что эта замазка выделяется из крохотной дырочки в правой стенке моего пупка, совершенно меня не беспокоит, не болит и выделяется кстати очень мало. Чтобы запачкать футболку потребуется «копить» в пупке, не мыться, наверное, дня три. Но это не грязь, это именно что-то изнутри. Это какая-то болезнь, следствие того падения, поскольку никаких других болезней я тогда не знал. Мне вспомнилось и то как тянуло что-то в области печени в прошлом месяце, и как чесался, очень смешно зудел, сам пупок весной и что во время упражнений на пресс с

подъёмом ног я чувствовал пару раз странное жжение в животе. Как всякий уважающий себя молодой мужчина, я никуда не пошёл и никому не рассказал. Врачам в первую очередь. Просто я стал протирать пупок чаще обычного и не носил больше летом белых футболок.

Первая и вторая ошибка каким-то странным способом начали сочетаться уже в том году, когда протёк мой пупок. Хаски неотвратимо привлекал ко мне людей. Девушек, парней, новых знакомых, хулиганов, продавщиц в хлебном отделе, пробегающих мимо марафонцев. Магия тату действовала. Каждый замечал меня, всякий улыбался, глядя на меня, на тату. Я постоянно находился в обществе приятных людей, меня приглашали на пати и сейшены, я обрастал контактами и модными бездельниками. С началом осени посиделки перешли на дачи и квартиры. Тату следа лапы не было уже видно под ветровкой, но каким-то волшебным образом меня находили летние знакомые. Моё тотемное изображение было пропуском на все вечеринки района. Отчего-то меня любили люди, ждали в гости и слушали мои рассказы. И если встречался мне неприветливый человек или женщина, которые не делали как все, то стоило мне чуть показать моё тату, всё переменилось. Центр внимания смещался на меня, лучший кусок пиццы передавали мне, на моих ладонях появлялись цифры номера телефона, мои ботинки не заваливали сверху грязными кроссовками в прихожей. Часто в следствии этого оказываясь подолгу в чужих квартирах, я вынужден был

следить немного за гигиеной пупка. Иногда отлучаясь в ванную комнату, я посматривал, не ждёт ли конфуз, не стоит ли пользуясь чужими ватными дисками протереть странное место. Я никогда не испытывал стеснения или страха в связи с этим. Что будет если меня раскроют в чужом туалете? Повторюсь, у меня не было дискомфорта или жалоб. Я был молодым упругим популярным и остроумным на фоне часто несвежих грузных депрессивных и туповатых. Моя капля из пупка в море самолюбования современного общества тонула и не смогла бы всплыть. У иных капли побольше торчали из глаз или носа, никто не замечал их. Молодёжь не прощала неправильный выбор песни, но прощала огрехи гигиены, прыщи и запах изо рта. Всё так бы и продолжалось с моими визитами и пупком, если бы не одна неудачная вечеринка в начале следующей зимы.

Как-то раз поступь хаски привела меня в тусовку художников. Замечательное место, где люди называют друг друга говном и напившись коктейбельского портвейна ждут обещанного самоубийства самого щедедушного из них. Суицида не происходит и тогда они ломают рамы, жгут холсты и курят, курят, курят. Мне не понравилось в тот вечер. Мне надоели неудачники, шум и невкусная еда. Меня пригласили как интересного собеседника, но никто не собирался хотя бы на минуту прикрыть свой рот, извергающий нечистоты в адрес коллег по цеху, чтобы я смог начать свой монолог. Девицы были отвратительно очарованы полуголыми то-

щими малярами от искусства. Сами маляры имели неопрятные ногти и сальные волосы. Повсюду каждый наступал на пустые бутылки отчего к полуночи в компании мы имели две травмированные лодыжки. Ночь обещала быть полной рвоты и песен «Зоопарка», что было для меня одним и тем же. Я обиделся и расстроился, уезжать домой было далеко. Редкий случай, когда я пожалел, что пришёл. Досада и какой-то внутренний зуд начали съедать мои потроха. Я отлучился в совмещённый санузел, перешагивая по пути через багеты и некрасивых людей на полу. Пупок был в обычном состоянии. К вечеру скопилась аккуратная как глаз крысы капля, я снял её краешком носового платка. Но потом случилось что-то непонятное для меня. Вместо того чтобы смыть её водой в раковине я размазал масло-пластилин по зубным щёткам в стакане. Щёток было четыре. Старых и пушистых своей пластиковой щетиной во все стороны. Собственно, ничего не изменилось. Капля в микродозе не была заметна на выдавших виды щётках, я не был уверен, что ими вообще пользуются в этом доме. Но дело сделано. Я так отомстил за скучный вечер своим новым знакомым. Потом было дорогое такси домой, остаток ночи, завтрак и всё как у людей.

С тех пор ситуация недовольства компанией стала повторяться. Взрослея, занимаясь чем-то вроде саморазвития и образования, зарабатывая и расширяя горизонты, я стал чаще скучать в тех локациях куда приводил меня след хаски. Мне перестали нравиться пьяные песни под гитару и бой по-

суды. Всё чаще, повинуюсь мелочности мести, в новых домах среди малознакомых людей я стал намазывать свою каплю на зубные щётки, добавлять в салат в холодильнике, в воду в которой купались чьи-то контактные линзы и тому подобное. Словом, туда где неминуемо произойдёт контакт капли с плотью человека, что не оправдал моих надежд. Это было чем-то вроде мести официанта плюющего в суп грубого клиента. Меня даже забавляло искать новые способы, вроде намазывания на фильтр сигареты или губную помаду. Разумеется, в таких компаниях, полных фальшивых наркотиков, людей и спирта категории «Люкс», я не был пойман с поличным. Всё оставалось на своих местах до тех пор, пока я почти не перестал быть гостем в подобных скоплениях молодёжи. Мы с тату научились избирательно получать приглашения и перешли на уровень узкого круга в народившихся модных кафе и языковых клубах. Там, где более замысловатые и ценные мне люди сияли приятно и тепло. След хаски неохотно отвыкал от хорového пения русского рока и смешивания красного сухого и белого сладкого, но отвык-таки. Отвык и стал пропуском в новые куда как более интересные собрания.

Так длилось ещё около полутора лет пока меня не застал за чисткой записной книжки мой старый приятель. Мы иронизировали над контактами, которые я скопил и без сожаления провожали взглядом листки в урну, не забывая желчно комментировать каждую персону. Приятель, не выпавший

ещё из старых тусовок сообщал мне новости соответствен-но персонам, которых я вычёркивал. Я намеревался вставить оставшихся после этого промывания костей из книжечки в свой первый мобильный телефон и так подвести психологи-ческую и технологическую черту под старой жизнью. Чем больше я слушал комментарии приятеля, тем чаще стал за-думываться и вскоре начал делать пометки в записной книж-ке напротив имён, вместо вычёркивания и вырывания. Ещё несколько историй, ещё несколько вопросов с моей стороны, и я точно увидел что-то похожее на закономерность. Прия-тель уехал, а я перерисовал на отдельный лист список тех, о ком он мне рассказал. Я, конечно не забыл, где мне не понра-вилось гостить и чьи слизистые оболочки вероятно сопри-коснулись с моей каплей через зубную нить, вилку или глаз-ные капли. Согласно новостям от приятеля, именно у тех, кто мог бы попасть в контакт с каплей довольно круто из-менилась жизнь за последнее время. Те же, кто не мог ни-как соприкоснуться с отделяемым пупка, продолжали преж-нюю жизнь. Чтобы подтвердить странное наблюдение, в сле-дующие дни я перезвонил нескольким приятелям и уточнил свой «список». Практически во всех случаях информация подтвердилась. Значительные новости были именно у тех, кто мог получить от меня мстительную жидкость пупка. Я начертил более крупную таблицу и стал заносить, что имен-но произошло с этими людьми и через какое время после моего визита. Для расследования мне понадобилось почти

три недели. Я старался подтверждать каждый факт двумя свидетелями, но не общаться напрямую с «пострадавшими». Эта игра в детектива увлекла меня, как когда-то увлёк поиск медицинской информации о болезнях пупка, не самая популярная тема в библиотеках. Прямо-таки белое пятно в науке.

Намеренно к врачам я не обращался, меня ничего не беспокоило. Опасливая бережливость самого себя и недоверие к медицине, типичная мужская трусость, всё охраняло меня от визита к врачу с моей проблемой, с моей особенностью. Общество устроено так, что полностью избежать контакта с врачами невозможно. Военкоматы и диспансеризация, профилактические осмотры, необходимость получения справок с печатями, нечаянные болезни и следующие за ними ненужные посещения поликлиник уже здоровым человеком. Конечно же редкие травмы и форс-мажорные приключения. Многого могло познакомить врача с моим пупком. На моё счастье, доктора, что трогают пациента руками, ощупывают по некой методике, слушают, что говорит больной и сравнивают всё это со своим предыдущим опытом опрашивания, разглядывания и ощупывания, таких врачей больше нет. Нынешние эскулапы лишь операторы умных машин или чиновники заполняющие бумаги. Мой живот попадал в поле зрения хирургов, травматологов, урологов, но никто из них не увидел проблемы. Многие терапевты могли бы её найти, попроси они хотя бы раз меня раздеться или настойчиво опроси они меня хоть единожды. Нет. Такие врачи не водят-

ся больше в наших дремучих городских джунглях. За пару десятилетий никто не обнаружил мою тайну. Несколько раз я пытался провести расследование самостоятельно. УЗИ и прочие штуки, заменяющие теперь осмотр врачом, находили у меня некую добавочную дольку печени с рубцом после травмы и некую кисту без динамики к росту, не более. Операторы УЗИ и КТ, гадатели по картинкам, эти интерпретаторы помех в анатомии, не ставят диагнозов, не лечат и не дают советов. Обследованный в коммерческих клиниках, я не заносил новые данные куда-то либо, где их могут обнаружить и дать им оценку. Я чувствовал себя хорошо. Капля похожая на густое масло, без вкуса, запаха и почти без цвета, скапливающаяся с ночи в моём пупке никак не меняла мою жизнь годами. Люди с фурункулёзом, псориазом, бородавками, перхотью, геморроем, преждевременной эякуляцией, близорукостью или косолапостью были в сто раз несчастнее меня. Я видел их страдания, как болезнь меняла их жизнь, они были повсюду вокруг. Но эти, занятые собственными проблемами окружающие, никогда не узнали о моей маленькой особенности. Примерно через пятнадцать лет после того столкновения с автомобилем, я окончательно перестал беспокоиться о том, что явно или формально, моя изменённая физиология выйдет мне боком. Я забыл о столкновении. Я стал думать, что эта киста-долька была со мной всегда, была врождённой и просто проявилась после травмы. Я жил с ней счастливо как до, так и после того мигающего красно-

го на пешеходном переходе. Последнее, что я сделал для себя, как врач-исследователь, и такая опция появилась только много лет спустя после инцидента, я воспользовался услугами диагностики по ДНК. Есть такая забава, отправлять слюну в лабораторию и через месяц в ответ получать документы с печатью. Например, о том, кто были ваши предки, на сколько процентов вы узбек или якут, какие продукты и лекарства вы не переносите и какие болезни вам грозят. Но, милые мои, если ко взрослому состоянию вы не узнали ответ на все эти вопросы бесплатно без теста ДНК, то полкопейки вам цена как взрослому. Если вы действительно думающий и наблюдающий индивид, то эта игрушка, ДНК-тест, имеет исключительно развлекательное применение. Может стать забавным подарком на День рождения другу и не более. Собственно, на свой День рождения я и сделал себе такой подарок. Решая завершить этим диагностику своего пупка. Я использовал стандартный набор из лаборатории для забора эпителия с внутренней стороны щеки с некоторой модификацией. Кроме своей щеки и слюны в пробирку я добавил ту пластилиново-масляную субстанцию, что носил на себе. Счёт оплачен. Подождём результат. Как раз поспеет к моему календарному празднику. А пока, вместо тетриса и кроссворда, меня занимал квест записной книжки и моей памяти.

В чём именно состояли изменения жизни «попробовавших» или «заражённых», как я тогда называл их про себя? Это достаточно сложно объяснить коротко. Все они, мои

прошлые нелюбезные приятели, изменились радикально. По временным промежуткам это происходило не ранее чем через 2-3 недели от контакта и не позднее, чем через 2 месяца. Изменения прежде всего наступали в социальной жизни контактёров (ещё одно самобытное определение). Они уходили от своих жён/мужей/партнёров, буквально выгоняя последних на улицу объясняя своё поведение тем, что наконец-то прозрели и убедились с какими неудачниками живут. Далее шёл разрыв или заметное изменение в общении с родителями и прочими родственниками. Контактёр оставался одинок, но доволен этим и продолжал жить, не отягощая себя избыточной дружбой, отношениями и не отдавал никакие сердечные долги тем, кому, как часто кажется всем нам, он должен. Заражённый жил одиноко и был собой доволен, не пускал к себе частых гостей и в целом, походил на приезжего, который очень культурен, но замкнут, счастлив, но не понятно от чего. Неясен источник его вдохновения. Следующим этапом обычно шёл отрыв от социума в более широком контексте. Избавившись от нахлебников, ленивых родичей, некрасивых супругов, докучливых друзей-алкашей, мои пострадавшие переставали быть членами общества. В том смысле, что они прекращали делать какой-либо заметный вклад в общество и не посещали официальные сходки себе подобных. Если кто-то ходил в церковь, то он после контакта становился атеистом. Если другой был активистом, волонтером, руководителем профсоюза, ВУЗовской

самодетельности то, они оставляли это занятие. Не посещали выборы, собрания жильцов, демонстрации, выходили из партии и прочих общественных институтов. Заражённые начинали жить ради себя, не прикладывая никаких усилий к росту морали или благосостояния кого-либо ещё. Наконец, контактёры бросали курить, пили весьма своеобразно, в основном изысканное вино в одиночку, перестали носить выделяющую их из толпы одежду, красить волосы в розовый (если до этого красили), носить макияж проститутки (если до этого носили). Кое-кто из подозрительно слащавых парней стал гетеросексуалом. Кое-то из достоверно известных наркоманов чудесным образом завязал без клиник, ломок и экстрасенсов. В отдельных случаях, спустя 3-4 месяца изменения случались и во внешности. Предпочитая ходьбу пешком, овощи и крепкий сон, заражённые стали производить впечатления ЗОЖников. Их осанка улучшилась, животы исчезли, шаркающая походка или вечная сутулость растворились. Так как круг общения контактёров сильно изменился, я не смог достоверно узнать, занимаются ли они фитнесом или практикуют диету. Но по кратким отзывам людей, нечаянно заставших их дома или у прилавка, похоже, что да, и то, и другое. Пострадавшие от капли из пупка избавлялись от лишней социальной ответственности, связей и привычек в пользу здорового образа жизни, эгоизма и какого-то внутреннего процесса, о котором можно было лишь догадываться. Частные примеры и вовсе были шокирующими. Из-

вестный мне несостоявшийся бард, бросив свою беременную вечно курящую девицу улетел в Перу. Трижды остававшийся в академотпуск недоврач бросил пить, поступил на филологический факультет и начал публиковать серьёзные статьи-исследования творчества малоизвестных прозаиков Серебряного века. Большинство контактёров сменили адреса, правда систему в их перемещениях я найти не смог. Это были как переезды к воде, за город, так и напротив в самый центр. Возможно, важен был сам переезд со сменой рутинных процедур, соседей и обстановки. Моя таблица, начавшаяся со списка телефонов, разрослась до тонкой тетради и я любил в то время по вечерам думать об общем в этих переменях. Дошло до обсуждения с немногочисленными моими доверенными лицами. Конечно, я не говорил им про пупок и моё поведение в чужих домах в связи с этим. Я лишь отмечал внезапность и схожесть перемен в жизни общих знакомых. За рислингом и кречерами мы перетирали сплетни пока в один из вечеров мой друг доктор не высказал мысль, не приходившую ко мне до сих пор. Полушутя, он заключил, что «изменившиеся» стали «как я». Начали вести образ жизни как я. Не верить в богов и правительство, не обрастать странными отношениями, любить жизнь под своим углом, не примешивая вредные привычки и бутафорию. Поменяли пессимизм с верой в чудо на эгоизм прагматичного счастья. Я добавил, что есть также признаки мизантропии и потребности в развитии. Доктор приписал эти свойства и мне,

улыбнувшись, что теперь-то, пазл сложился. Мы пошутили и разошлись. Вернее сказать, он ушёл. А я достал тетрадь и снова смотрел на свои записи.

Решение, что показалось мне очевидным и сегодня кажется таковым. Я снова стал ходить в гости со своей каплей. Снова размазывать её по зубным щёткам более тщательно фиксируя даты и имена. Спустя пять-шесть гостевых выходных я отмерил необходимый период и с чистого листа начал собирать информацию звонками к общим знакомым, а зачатую и напрямую, приходя нечаянно в гости повторно за специально забытой вещью. Мне хватило этих пяти-шести визитов и ожидания «инкубационного периода» в несколько недель чтобы моя тетрадь наблюдений закончилась от большого числа записей. Я начал вторую. Удивительно, но я наблюдал повторение самых смелых предположений. Контактёры необъяснимо для окружающих, внезапно меняли своё поведение, принимали решения ранее им несвойственные. Однозначно позитивным было то, что все бросали курить и прочие разрушающие привычки, теряли избыточный вес и избегали общения с деструктивными элементами общества. Весьма спорным было то, что контактёры прерывали большую часть социальных связей, переезжали на новое место, меняли работу, выходили из общественных организаций, не смотрели телевизор. И, скажем так, нейтральными изменениями можно назвать внезапный интерес к здоровому питанию, литературе, языкам, путешествиям, некоторым видам

спорта, как мне показалось, наименее травматичным и наиболее гармоничным. Из речи контактёров исчезли, в этом я убедился сам по телефону, мат и жаргонизмы, пустая болтовня и анекдоты. Они стали чем-то внутренне сосредоточены и спокойны. Беседовали со мной будто я ошибся номером, игнорировали пласт прежней информации, связывавшей нас. В одном случае пострадавший уехал в далёкую деревню, где стал жить один и обстоятельства его перемен сложно было зафиксировать. В общем, я убедился, что капля из моего пупка обладает некоторым скорым и сильным действием на других людей. Они преображаются, будто просыпаются, сбрасывая налёт ненужной социальности и дурного влияния общества потребителей. Они начинают свою собственную жизнь с начала. Я очень порадовался, что прежде всего они становятся более здоровыми и адекватными к влиянию среды и других людей. Они заняты собой и живут, как мне показалось, довольными новой эпохой. Они будто просветлели, если под этим понимать избавление от всего мусора в головах, что мы приобретаем по жизни. Забывают, что фанаты футбола, что любят скандал на кассе и потрепать нервы соседям, начинают любить животных, которых раньше боялись и заниматься творчеством. Последнее выражалось самыми разными способами. От приобретения новой специальности на курсах до расписывания тарелок, выплавленных дома в купленной специальной печи. По окончании периода наблюдения за контактёрами последней вол-

ны я пришёл к выводу, что делаю благое дело. Я разношу некую инфекцию, что делает неприятных и часто опасных людей лучше, как для них самих, так и для меня – части общества. И то, что по мнению моего друга-доктора, пострадавшие становятся похожими на меня самого, так это тоже большой плюс. У меня одна жизнь, я хочу прожить её среди трезвомыслящих приятных и самостоятельных индивидов. Я буду продолжать свою миссию. Я сделаю больше адекватных гуманоидов. Хуже уже некуда, пора менять этот народ в лучшую сторону.

К сожалению, возможности моего пупка ограничены. Я в состоянии дать миру одну только каплю спасения в сутки, обычно к вечеру. Продолжать я решил с ближним кругом. Наведывался в гости к одноклассникам, сокурсникам, бывшим коллегам, соседям и прочим, к кому имел лёгкий доступ. Либо приглашал их к себе и кормил чем-то с примесью капли, либо поступал как раньше, у них в квартирах. В дни, когда я не мог посещать гостей поскольку тоже занимаюсь спортом, творчеством и работаю на любимой работе, в те дни я собирал капли в стерильными микроконтейнеры для будущего применения. В поездках, в путешествиях я теперь обязательно занимался инфицированием. Стараясь поразить наиболее уязвимых представителей человечества – алкашей, опустившихся подростков, закомплексованных жителей серых городов. Я даже проявлял микропатриотизм, совершенно не свойственный как инфицированным, так и

мне. Это заключалось в том, что я не тратил каплю на иностранцев, хотя по роду своей работы мог бы это делать. Периодически я наводил справки об отдалённых последствиях, что там творится с инфицированными через годы. Всякий раз я был спокойно рад получая новую информацию. Отдалённые последствия были лишь закреплением первых результатов. Пострадавшие, или как я стал называть их – просветлённые – становились богаче, иногда известными, всегда профессионалами своего дела. Это несло мне мотивацию продолжать и я с удовольствием однажды отметил вечером у камина свою первую тысячу просветлённых в один из замечательных дней листопада. Я уже не вёл подробный дневник, для такой работы потребовался бы секретарь. Довольствовался только указанием имени, места и даты встречи с контактёром. Ни о каком помощнике речи не шло, я сохранял конфиденциальность.

Наводя порядок в документах, обнаружил, что давно должен был получить оплаченный результат ДНК-теста. Оказалось, что он пришёл по электронной почте и попал в спам одного из многочисленных моих ящиков для регистраций и рассылок. Тест не порадовал меня, поскольку первым же абзацем жирно было отмечено. Результат теста является неполным, часть фрагментов наследственного материала значительно повреждены, рекомендуется сдать образец повторно в лаборатории компании с помощью опытного специалиста по забору материала. Далее шёл собственно результат, раз-

делённый на три части. В первой сообщалось о ДНК мужчины с таким-то процентом европеоидности, с таким-то вкладом неандертальцев, малым риском некоторых болезней, рекомендациями по профилактике. Совершенно ничего нового, я мог бы написать это от руки без умных ПЦР. Вторая часть включала информацию о сильно повреждённой ДНК «другого вида». Образец якобы был загрязнён генетическим материалом ещё одного субъекта, дифференцировать который не удалось ввиду малого количества молекул и их фрагментированности. Этот «другой вид» назывался случайно попавшим в образец при заборе материала со щеки. Третья часть тоже удивила. Исследователи выявили ещё и РНК вируса в большом количестве. Вирус не был назван, отмечалось лишь, что он не характерен для ротовой полости и лаборатория не обладает возможностью идентифицировать его до вида поскольку это не включено в услугу и договор с клиентом. В завершении ПДФ меня вновь приглашали сдать образец повторно воспользовавшись лабораторией. На второй тест мне предоставлялась скидка в 25%. Конец документа.

Я прекрасно помнил, что соблюдал все меры, описанные в инструкции по сбору биоматериала. ДНК «другого вида» и вирус связаны с отделяемым из пупка, тем добавочным сегментом печени и кистой. Мне хватило фантазии и аргументов предположить, что во мне могут быть ткани с другим ДНК, то есть я по рождению химера, что не является экстремальной редкостью. Микрохимеризм постоянно описывает-

ся в научно-популярной литературе. Почему бы не предположить, что второй организм во мне носит вирус и он-то и является инфекционным агентом для окружающих. Также и для меня. ДНК «другого вида» не могла бы так легко, с первой попытки, заразить моих просветлённых. Этот сделал вирус. Что ж. Значит я вовсе не воспитавший себя интересный человек с навыками и культурой, я всего лишь больной. Я носитель вируса меняющего жизнь человека. Наиболее вероятно, что я родился химерой, а та травма печени проявила всё остальное. Возможен ещё вариант первичного проникновения вируса, мутации части меня в новый организм и затем этот пупочный свищ с бесконечным выделением инфекционного агента. Так откуда во мне вирус? Не мог ли я его подхватить так же как мои любителей невымытых зубных щёток? Или этот вирус вышел из генома «другого вида»? Так ли это важно сейчас? Я супер-распространитель. Я намереваюсь умышленно изменить общество потому что оно мне отвратительно. Вот это правда. И больше ничего. И хватит играть в вирусолога и эпидемиолога. Я есть инфекция для общества. Я его заражу и сделаю удобным себе, так выживу, это просто эволюция. Я так хочу прожить жизнь.

«Чёрная метель», что в переводе на мой внутренний миропорядок означало «прекрасная белая выюга, заметающая к чертям этих людишек» продолжалась весь вечер. Я вкусно кушал, сладко пил и наслаждался новым зарубежным фильмом в оригинале. Этот новый язык я стал учить недавно, он

был очень мне приятен. Нынешней зимой я никуда не поехал и даже в загородном доме бывал редко. В старой квартире нужно было рассортировать книги и заказать курьеру стерильные баночки для капель. Кроме того, отсюда было легче добраться по оперы, зимой шли сплошные премьеры. Новая кружка ароматного напитка наполнилась и я вернулся к экрану, к фильму, к пледу. Вдруг случилось редчайшее событие в моей бытовой жизни. В дверь постучали. Значительная часть подъезда была заражена мной, потому я не ждал ни шума за стеной, ни стука в дверь. На пороге, тем не менее, стоял мой молодой сосед (просветлённый в прошлом году), он был в футболке и трико, выглядел смущённым. Культурные человеки так выглядят, когда вынуждены оторвать соседа от напитка и фильма. Он обратился ко мне.

– Добрый вечер, сегодня великолепная пурга, не находите? Простите, что беспокою, но у меня для вас важная информация.

– Добрый вечер, сосед, войдите, не стойте там, хотите бокальчик риохи?

– Спасибо, я, знаете ли немного занят дома, риоха мне не к событию. Я хотел вам сказать, знаете ли вы что ваша спутниковая тарелка сильно наклонилась. Наверное, от вьюги. Я выходил на балкон и заметил.

– Благодарю, я не знал, сейчас же посмотрю, что там.

– Вот и всё, что я хотел сказать. Посмотрите, чтобы она не сломалась и не упала вниз. Вам будет такое неудобство.

– Ещё раз благодарю, сосед, приятно было увидитесь.

Он было уже повернулся и начал выходить из моей прихожей, но я всё же это сказал. Заметил сразу, но сказал только сейчас. И зачем? Я же понимаю к чему это может привести нас. И это была третья ошибка, а лучше сказать третий поворотный момент уже не в молодости, но в жизни. После тату, травмы и... Раз, два, три...

– Дорогой, сосед, у вас какая-то небольшая грязь на животе, – сказал я и взглядом указал на крохотное пятно в области пупка на бежевой футболке вошедшего. Честно сказать я не сомневался, что оно расположено точно в проекции его пупка. Я слишком часто смотрю в эту точку. Оно точно «того» цвета. Точно оно.

– Да, я знаю, недавно появилось, – он, не глядя на пятнышко, понял о чём я говорю, – это просто капля варенья. Я неаккуратно ужинал.

– Знаете что, дорогой сосед, проходите в зал, садитесь, я кое-что вам расскажу. Это будет целая история. Поверьте, вы много нового узнаете про каплю варенья на своей футболке. Прошу вас.

Я жестом пригласил собеседника в глубину квартиры. Туда, где книжные шкафы и коллекция пластинок огородили уютный уголок для одного. Молодой сосед несколько секунд стоял недвижимо, словно взвешивая за и против, а после этого сделал шаг в мою сторону. С нейтральной улыбкой Моны Лизы он вошёл в зал. Я шёл следом, подбирая слова для на-

чала истории.

Скоро-скоро прекратится для этого мира чёрная метель. Наступит белая выюга. Изумительно чистая и радостная. Замолкнут новости о войне и болезнях. Прекратится шум и брань. Исчезнут на Cromans и алкоголики. Не станет религий и политики. Счастливые люди будут редко и по делу общаться за бокалом или фруктовым салатом под белым зимним солнцем, что так хорошо, так прекрасно, для понимающих просветлённых.